

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

© 2002 г., ЭО, № 6

Чеченская демодернизация как урок истории. Рец. на кн.: **В.А. Тишков**. **Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)**. М., 2001. 552 с., ил.

В терминах этнологии как политической науки часто на протяжении последних лет пытались осмыслить оперативные проблемы устройства государства с его социальными коллизиями и внутренними конфликтами. Зачастую от нас требовали простых и быстродействующих рецептов разрешения противоречий нашего реформируемого общества.

Пример такого политизированного подхода к социальным проблемам – попытка осмысления чеченского конфликта. О нем написаны горы статей, множество научных трудов, авторы которых стремились декларировать свои убеждения, выявить виновных, представить собственное видение проблемы, но не исследовать ее с научным хладнокровием и без боязни вызвать гнев конфликтующих сторон.

Эта разногласица исполненных политикой мнений часто мешала пониманию того, что происходит в кавказской республике, как возникла раковая опухоль недоверия и гражданского противостояния, какие цели преследуют вовлеченные в конфликт силы, какие и почему используют для достижения этих целей средства.

Дело было не только и не столько в позициях конкретных авторов при анализе такой темы. Видимо, быть современником события и осмыслить его в объеме рационального и эмоционального – нелегкий труд, большой дар, тем более если речь идет не о рядовом, локальном происшествии, а о трагедии, затронувшей судьбы сотен людей.

В ряду исследовательских опытов разных авторов – ученых, политиков, журналистов первым серьезным исследованием проблемы стала книга о Чечне доктора исторических наук, профессора В.А.Тишкова «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)». В ней в разных научных «измерениях» – с точки зрения истории и впечатлений очевидцев, политической логики событий, экономического становления и культурного состояния кавказской республики – проанализированы проблемы Чечни. Ни один из острых вопросов не обойден вниманием, а многие материалы, включая документы, введены в научный оборот впервые. Книга позволяет увидеть эту часть российской территории и ее людей в игре света и тени – и достижения, которыми может гордиться любой народ, и пороки, которые ничего, кроме отвращения и осуждения, не вызывают.

В России, где в последнее время принято либо плохо говорить о Чечне, либо не говорить вовсе, написание такой книги – не просто научное достижение, но и свидетельство гражданского мужества автора. В то же время рецензируемая книга – вовсе не объективистское исследование, а труд не скрывающего своих позиций и принципов человека, которого, в то же время, в ходе работы не оставляли сомнения, ставили в тупик возникавшие проблемы. Его исходной позицией было утверждение, приведенное в параграфе «О пользе и вреде истории и этнографии»: «Исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов в регионе бывшего СССР, включая Чечню и в целом Северный Кавказ. Это прежде всего современные конфликты современных участников (акторов) социального пространства и по поводу современных проблем и устремлений» (с. 61).

Несмотря на поиски современности в историческом конфликте, В.А. Тишков соткал материю своей книги из исследования прошлого чеченского народа, без чего невозможно понять его нынешней трагедии.

Необычна и ее структура. В.А. Тишков попытался охватить множество органически связанных друг с другом проблем, без анализа которых невозможно понять Чечню и происходящий здесь вооруженный конфликт.

Автор умеет слушать, и голоса расспрашиваемых им и его помощниками людей с журналистской точностью и эмоциональностью звучат на протяжении всей книги.

Чеченская трагедия для него заключается прежде всего в человеческих потерях: федеральные

вооруженные силы и милиция и только в первую чеченскую кампанию, по официальным данным, «потеряли убитыми около 4 тыс. человек. Вооруженный конфликт 1994–1996 гг. в Чечне привел к огромным человеческим и материальным потерям: около 35 тыс. чел. погибло, более трети населения этой территории (почти 450 тыс. человек, включая выехавших перед войной) оказались вынужденными переселенцами и беженцами, были разрушены г. Грозный и многие другие поселения. Война стала трагедией для народа Чечни и самым большим кризисом в истории новой России» (с. 7–8).

Автор убежден: все эти жертвы напрасны, Чечня не будет той республикой, о которой мечтали ввергшие ее в пучину военного кризиса политики, ведь она – часть не только Российской Федерации, но и России. В.А. Тишков видит схожесть чеченцев с русскими в том, что «общность ценностных ориентаций, личных стратегий людей и даже культурного поведения существовала как до конфликта, так и после него» (с. 46).

По убеждению автора, данный конфликт не достигнет своей цели, как и все другие конфликты на постсоветском пространстве: Нагорный Карабах в Азербайджане, Южная Осетия и Абхазия в Грузии, Приднестровье в Молдове. «Почти все они закончились своего рода военной победой сепаратистов, – замечает автор, – но ни один из конфликтов не достиг цели создания отдельного государства и до сих пор не нашел политического решения» (с. 7).

Это не война государства против государства и не поход одного народа против другого, а «конфликт группы против государства» (с. 351), причем в значительной степени обусловленный собственно внутричеченскими обстоятельствами. Но книга посвящена не поиску определения происходящего в Чечне: в ней препарирована действительность в ее крайнем – военном – варианте. И автор, и его респонденты убеждены в том, что такое состояние общества и отдельного человека тоже форма жизни, и насилие, сколь бы ни противоречило оно представлениям здравого человека о добре и зле, отражает суть бытия, является определенной нормой социального поведения. В то же время люди по отдельности оказались совершенно не готовыми к войне (с. 356).

У вооруженного конфликта есть своя логика: сначала формируется образ врага, который становится своеобразным «введением в войну», потом общество поражает шок начала боевых действий, затем следует стадия взаимного ожесточения вовлеченных в военный конфликт сторон, насилие становится «циклическим», когда короткие периоды временной стабилизации сменяются витком ожесточения, где месть культивирует, воспроизводит дальнейшее насилие (с. 358–380). Вот почему, несмотря на недостижимость целей, затяжной и кровопролитный чеченский кризис далек от своего завершения.

Главное, что случилось в Чечне, – это демодернизация, под которой автор понимает не столько попытку этнического сообщества вернуться в прошлое, сколько социально-патологический регресс социальных и государственных институтов, помрачение гражданского и политического сознания значительной массы населения. И повинны тут «не быстрые перемены, с которыми общество не может справиться, ... а перемены в жанре хаоса, при которых само понятие общества исчезает» (с. 51). Поразительно верным кажется в этой связи замечание автора, что вот уже более десяти лет Чечня живет в противоречиях и терзаниях, в условиях глубокого разброда и деkonsолидации, хотя со стороны ее население выглядит невиданно солидарным и целеустремленным (с. 51).

Под демодернизацией автор понимает целый ряд состояний, когда ментальный мир этноса узурпируется «упрощенными и ограниченными версиями происходящего», когда общество покидают альтернативные силы, а способность к самоорганизации утрачивается. В этом состоянии как спасение выглядят попытки обратиться в прошлое или копировать чуждое, что только усугубляет кризис, в результате которого утрачивается способность к самостоятельному его преодолению.

Демодернизация, по Тишкову, – это симбиоз нетерпимости и конформизма в условиях разрушенных вооруженным конфликтом социальных институтов и связей, радикального ослабления всех ресурсов общества, в том числе морально-психологических. Распад может происходить на фоне активного использования достижений современной цивилизации, например, телевидения или спутниковой связи. Можно говорить по мобильному телефону и – убивать (с. 51–56).

Степень этого движения вспять можно понять только тогда, когда восстановлена картина докризисного состояния республики. Автор подробно анализирует экономическое и политическое развитие Чечни в XVIII и XIX вв., размышляет над судьбой народа на протяжении XX столетия, уготовившего ему депортацию и дисперсное проживание в спецпоселениях. Подробно рассматривает он и послевоенное восстановление Чечено-Ингушской АССР, ее экономическое и интеллектуальное развитие.

Однако «официальная» жизнь не заслоняет от В.А. Тишкова иные, глубинные проблемы чеченского

кризиса. Наряду с анализом традиционной организации жизни, где свою роль играли семейно-родовые отношения, тейповые связи, автор подробно рассматривает преодоление народом последствий депортации. Вывод при этом он делает вполне определенный: к середине 1980-х годов чеченцы встали вровень с другими народами СССР.

Особое внимание В.А. Тишков уделяет рассмотрению положения науки в Чечено-Ингушской республике. Ее состояние – чуткий индикатор общего развития народа, показатель продвижения к сообществу просвещенных наций, у которых верх берет цивилизованный город и за собой ведет закономерно отстававшую деревню. Автор неоднократно указывает на социальную предопределенность конфликта 1990-х годов: торжество деревни над городом, необразованности над ученостью, силы над умом – вот что лежит, по мнению автора, в основе чеченской трагедии. Наука и образование стали одними из первых жертв конфликта (с. 455–459).

И в то же время парадокс любого противостояния заключается как раз в том, что конфликтующие стороны стремятся использовать к своей выгоде достижения «врага». Новая чеченская жизнь, где повсюду не разум утверждал свое господство, начиналась как раз с «кучных споров» об истории народа и псевдотеорий, с того, что иррациональные идеи стали восприниматься как обеспеченный знаниями социальный императив. В книге анализируется история чеченских общественных заблуждений, в том числе природа и последствия теорий о «французах Кавказа» (с. 60–95, 459–462). История может быть опасна для современности.

Автор рассматривает последствия депортации для нынешнего состояния чеченцев. Антирусские настроения корнями своими уходят в то время – время репрессий, поскольку ответственность за них проследовалась на русских, хотя главные инициаторы акции – Сталин и Берия – были грузинами, а советское руководство всегда было многоэтничным по составу (с. 92).

Депортация нанесла серьезный ущерб социальному облику народа, его демографической структуре и культурному воспроизводству. Во время вооруженного конфликта 1994–1996 гг. для молодого поколения эта страница истории «стала мощным фактором эмоциональной и политической мобилизации для совершения коллективных действий» (с. 93).

Послевоенное возвращение пережившего репрессию народа на родину не было простым перемещением в пространстве. Память о трудностях тех лет остается, как и обида на то, что и после репрессий чеченцам и ингушам в СССР всячески давали понять, «что они помилованы, но политически не реабилитированы» (с. 101). Тем не менее факт восстановления автономной республики оказал позитивное влияние на дальнейшую судьбу народов. Советская «государственность» способствовала формированию местной элиты, развитию социальных институтов, прогрессу экономики и культуры.

В 1960–1970-х годах фиксируется значительное омоложение нации (с. 114–115), что предопределяло изменение социальных установок внутри этнического сообщества. Эти перемены влекли за собой новые существенные трансформации, прежде всего в сфере экономики: у молодежи все меньше шансов найти занятие в республике, отходничество становится одним из главных занятий. В самой же ЧИ АССР отрасли промышленности этнизируются. В.А. Тишков делает существенное наблюдение: «В республике произошло разделение экономики на два сектора: "русский" (нефть, машиностроение, системы жизнеобеспечения населения, инфраструктура) и "национальный" (мелкотоварное сельское хозяйство, торговля, отхожие промыслы, криминальная сфера, пополняемая новыми контингентами населения, вступающими в трудоспособный возраст). Парадокс был в том, что промышленность и транспорт испытывали недостаток в квалифицированных кадрах и рабочей силе в целом. Но мало что делалось для вовлечения в эти сферы чеченцев и ингушей, в отношении которых сохранялась скрытая дискриминация» (с. 116).

К эпохе перемен чеченское общество пришло с причудливой смесью обычаев, своими корнями уходивших в прошлое, и новых представлений, созвучных времени. Но этническое проявляет себя не только и не столько в культуре и традициях, оно дает о себе знать прежде всего в политике и экономике.

В начале 1990-х годов именно здесь пролегал водораздел, разорвавший республику: «русский» сектор был представлен преимущественно горожанами, работающими в нефтедобывающей промышленности, машиностроении, транспорте и управлении, «чеченский» – столичной интеллектуальной и управленческой элитой и сельскими жителями, занятыми мелкотоварным сельским хозяйством, отхожими промыслами, мелким предпринимательством» (с. 123).

На фоне этих трудовых дифференций были и другие, обусловленные этническим поведением, ментальностью чеченцев. Сказывалась социально-психологическая установка на материальный достаток. Как свидетельствовал один из собеседников автора, чеченцы «не любят ходить в бедных» (с. 147).

В параграфе «Подходы к пониманию идентичности» автор рассматривает сложные, мало осознанные материи образов, целей и мифов этнического коллектива попавших в беду военного конфликта чеченцев. Эти представления позволяют реконструировать опрокинутый мир «этнического в человеке», который, как замечает В.А. Тишков, фокусирует в себе состояние социума. Для анализа автор избирает фольклор, песни боевых лет как свидетельства этой «этничности в человеке». Объем представленных и проанализированных материалов огромен (с. 148–159): притчи и песни различаются по содержанию, но лучше всяких описаний открывают мир тех, кем они были написаны, тех, кем были спеты, и, разумеется, тех, кем они были услышаны и поняты.

Между тем, соседними народами, в том числе и русскими, чеченцы воспринимались прежде всего как «политический народ», которому присуще понимание только аргументов силы. «У них может быть стыд, но нет совести», – без всякой симпатии отмечает один из дагестанских респондентов.

Однако коллективное сознание в Чечне невозможно оценить в отрыве от образа мыслей и действий ее лидеров. Автор большое внимание уделяет биографиям основных «героев»: Дудасва, Хасбулатова и других. Для истории народа поведение, принятие решений конкретными людьми, обладающими харизмой, уважением и влиянием на большинство своих соотечественников, зачастую является определяющим. Они воздействуют на ход событий, иногда даже одна публичная речь или, напротив, тайный союз способны повернуть ситуацию. Личности чеченских лидеров, обстоятельства их жизни, взгляды и цели стали роковыми для общества, поскольку основная часть чеченского народа оказалась в их плену. В.А. Тишков называет их «несистемными лидерами» (с. 247).

Однако решающим фактором чеченского конфликта, по мысли автора, стала неумелая, попустительская, а иногда и провокационная политика центра. «Отсутствие федерального контроля (прокурорского, таможенного, налогового) на территории Чечни позволило превратить ее в базу общероссийского криминального сообщества и в убежище для преступников» (с. 221). В целом «чеченская революция» и ее материальное обеспечение, по наблюдениям В.А. Тишкова, – это в значительной мере московская инициатива (с. 222).

Удивительно, как не могли из Москвы разглядеть, что в этой кавказской республике хотелось восвать не только Джохару Дудасву, но и тысячам молодых людей (с. 285), что часть чеченского общества была «поражена» ожиданием вооруженных действий, а все другие, если и хотели остаться в стороне от развивающихся событий, то не могли уже этого сделать, потому что вопреки воле отдельного человека водоворот событий поглощал его, ломал прежнюю жизнь.

Автор рассмотрел такие непростые проблемы войны, как мародерство, заложничество, насилие над мирным населением и пришел к выводу, что после первой фазы военных действий в Чечне сложилась новая социальная иерархия и поведенческая норма, которую население было принуждено принять (с. 385).

Война оказала разрушительное воздействие на мораль: многое из того, что осуждалось, теперь оказалось приемлемым (с. 407). Это воздействие только усугублялось с заключением Хасавюртовских соглашений, «которые были восприняты воевавшей Чечней как величайшая победа над величайшим противником. Чувство превосходства и вседозволенности вместе с мотивами мести и реванша соединились с утилитарным интересом добывания материальных средств все тем же оружием, которым воевали против российской армии» (с. 422).

Самообман «великой победы» стал основным препятствием к восстановлению послевоенного общества и государственности в Чечне (с. 429). Этот мир после первой военной кампании явственно свидетельствовал о том, что впереди все равно война.

Особое внимание автор уделяет общественным настроениям, идеям, которые охватили чеченское общество. Он указывает на то, что после первой войны в обществе утверждаются новые ценности, хотя на самом деле продолжалась «идеологическая борьба с рационализмом, светскостью и общероссийскими ценностями, которые олицетворяло зрелое поколение чеченской интеллигенции и большинство рядовых граждан» (с. 459).

Автора интересует влияние динамики событий на поведение их участников в «революционной ситуации». «Ведущими факторами, – пишет он, – становятся коллективно разделяемые эмоции, упрощенный выбор ("за" или "против") и солидарные действия, при которых у каждого индивида больше уверенности и меньше личной ответственности. На эти действия идет определенная категория людей, которую потом антропологи называют "народ"» (с. 277).

В любом конфликте есть своя логика, и его развитие сопряжено со многими феноменальными проявлениями: в пору напряжения что бы ни делалось, – все только усугубляет ситуацию, а не ведет ее к

благополучному разрешению, и пока predeterminedенная фаза, круг ада не будут пройдены – нет никакой надежды на то, что общество вступит в полосу посткризисного развития. И лишь затем общество (группа) начинают «выздоровливать». Но бывает и так, как в Чечне: длительное время живший в условиях военных действий народ уже не в состоянии самостоятельно справиться с ситуацией и нуждается в неотложной помощи извне.

Автор показал в своей книге, как происходит распад общества, как история, несмотря на то, что ей отказывают быть нашей современницей, определяет идеи и поступки людей. После второй кампании самым главным оказалось возрождение экономики, восстановление политических институтов, структур власти, которые могли бы наладить мирную жизнь. Крайне трудной задачей оказалось возвращение беженцев. Но еще более непросто стало ресанимировать человеческие связи, вернуть людей к их привычным, довоенным занятиям, восстановить трудовые отношения, социальную среду. Травма войны оказалась слишком глубокой для того, чтобы можно было ее просто забыть.

Война надолго останется фактором жизни чеченского общества.

Г.С. Иларионова

© 2002 г. ЭО, № 6

И.А. К а л у ж с к а я. Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001. 174 с.

Проблемы генезиса этнических общностей в значительной степени решаются на основе лингвистических штудий. История формирования современных балканских этносов задает сложные загадки, многие из которых не разгаданы до сих пор. Одна из них – общность некоторых особенностей албанского и румынского языков, которые принадлежат к разным группам индоевропейских языков и ареалы сегодняшнего употребления которых находятся на значительном расстоянии друг от друга. Естественно предположение, что далекие предки албанцев и румын обитали вблизи друг от друга и имели активные сношения. Именно этой проблеме посвящена книга известного специалиста в области палеобалканских языков И.А. Калужской.

Актуальность публикации помимо совершенно самостоятельного нового подхода к решению задачи заключается в крайней политизированности всего комплекса исторических изысканий: в каждой стране предпочтительно считать, что государствообразующий этнос сформировался именно на территории его современного расселения, а указания на миграции (даже весьма древние) предков этого этноса воспринимаются крайне негативно. Не приходится сомневаться, что позиции политики и науки в данном случае не согласуются.

Автор рецензируемой книги поставила перед собой задачу выявить следы исчезнувших древних языков, на которых говорили обитатели Юго-Восточной Европы, и на этом основании сделать «реконструкции отдельных узловых моментов балканской этно-локально-хронологической ситуации, включая взаимодействие различных этнических и языковых компонентов» (с. 3). По нашему мнению, выполнить данную задачу автору удалось. Критерием исследования совершенно справедливо избрана степень участия палеобалканского субстрата в формировании лексических сходжений румынского и албанского языков¹.

Первые исторические упоминания об албанцах на западе Балканского п-ова и валахов в Молдове относятся к XI в.; самые древние памятники албанской письменности датируются XV в., валашской – XVI в. В этой ситуации памятники палеобалканского наследия в обоих языках приобретают первостепенное значение. Многие исследователи занимались проблемой присутствия общих слов в румынском и албанском языках, что теснейшим образом переплетается с вопросами этногенеза и местонахождения предков албанцев и румын в разные периоды дописьменной истории. Последовательному изложению различных теорий на этот счет посвящено «Введение» рецензируемой книги (с. 4–16).

Первая изложенная автором группа гипотез возводит формирование румынского языка и соответственно румынского этноса ко времени римского завоевания и колонизации Дакии в 106 г. н.э. В 271 г. римские легионеры, поселившиеся на землях покоренных даков, были переселены на правый берег Дуная, а с ними –